

КРОК

ОДИЛ

Рис. Ю. Ганфа

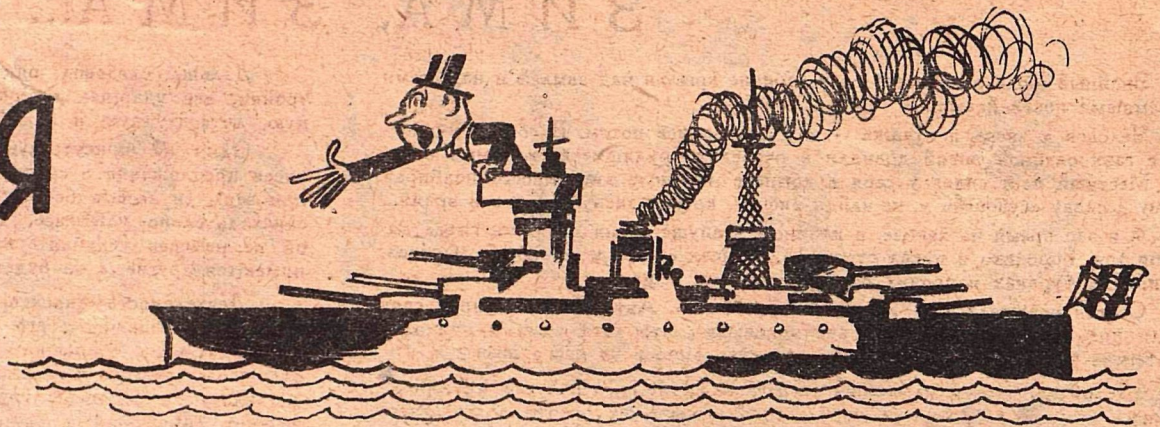
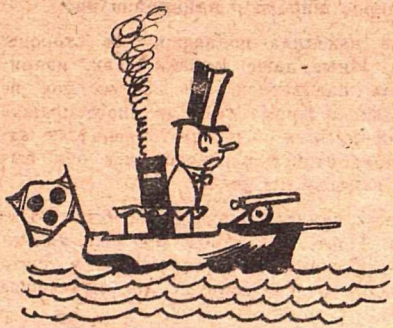

— Если бы не эти миллионы, я не был бы избран...

— Если бы не эти миллионы, я не был бы избран...

МОРСКАЯ

С х е м а

Сознательный трудящийся, который не читает в газетах протоколов конференций по морским разоружениям, может сразу отстать от курса мировой политики. А читать не всегда есть время. Поэтому в порядке дружеской помощи мы даем в схематическом виде протокол любого заседания любой морской конференции с гарантией его пригодности как в прошлом, так и в настоящем и в ближайшем будущем. Пусть чуткий и внимательный читатель запомнит наш показательный протокол, и ему не придется уже так внимательно и пугливо читать о морских разоружениях впредь. Для того же, чтобы в будущем не вносить в наш протокол мелких поправок, названия стран и их представителей на конференции мы даем, так сказать, ориентировочно, даже без соблюдения национального колорита.

«Вечернее заседание открылось речью представителя Алибабии виконта Дудсона.

— Вам, наверное, известно, distinguished gentlemen, — начал виконт Дудсон, — что с алибабских верфей не сходит больше ни одного дредноута.

— Известно, — тактично согласился с места представитель Сезамии маркиз Пиратто, — вы их заказываете в Халифатии.

— Не всем же заказывать в Набобии, — вскользь заметил представитель Халифатии барон Бандаччио, — ее одной для всех нехватит.

— Прошу без намеков, — обиженно откликнулся набобский делегат граф де-Кнут, — мы сами разоружаемся. Мы сами заказываем дредноуты в Алибабии.

— Предлагаю пока говорить о разоружении, — тактично предложил председатель, — о вооружении будем говорить после перерыва. Прошу продолжать, уважаемый виконт.

— Вооружаться?

— Нет, говорить о разоружении.

— Итак, — продолжал виконт Дудсон, — Алибабия согласна разоружаться до последнего сезамского крейсера.

— Мы тоже, и даже больше, — согласился сезамский представитель, — вплоть до предпоследней халифатийской подлодки.

— Разоружаться — так разоружаться, — миролюбиво кивнул халифатийский барон. — Перейдем непосредственно к набобским авиоматкам.

— Не все сразу, distinguished gentlemen, — остановил председатель. — Разоружайтесь по одиночке. На чем мы остановились?

— На крейсерах, — деловито заявил виконт Дудсон, — на сезамских.

— Скажите! А мне показалось на хали-

фатийских подлодках, — осторожно вставил маркиз Пиратто.

— Не может быть, — искренне удивился барон Бандаччио, — а я думал, что на набобских авиоматках.

— Мне все равно, — быстро согласился набобский делегат. — Начнем хотя бы с алибабских дредноутов.

Наступила недолгая пауза.

— Итак, — продолжал представитель Алибабии, — по отношению к сезамским крейсерам я предлагаю соблюсти соотношение 1 : 1. Один крейсер на одну территорию.

— А халифатийские подлодки как же? — испуганно откликнулся представитель Сезамии. — Настаиваю на соотношении 2 : 2. Две лодки на два случая. Одну — на случай войны, другую — на случай нейтралитета. А пока пусть разоружат обе.

— Нам без лодок нельзя, — мрачно отпарировал барон Бандаччио. — У нас берега.

— У всех берега. У вас на полтора километра береговых очертаний триста семьдесят две лодки.

— Ничего не поделаешь. Берега извилистые.

— Нельзя на каждую извилину считать по семи подлодок. Уступите пару извилин за четыре быстроходных крейсера.

— Даю два дредноута за полторы извилины!

— К вашим бы заливам да нашу авиоматку...

— У них авиоматки подержанные. Устарелые. Еще когда авиации не было. Даю полтора линкора за береговую батарею.

— Меняю проходной бетонированный пролив на минированное дно с отдельным входом...

— А вот авиоматка! Кому надо авиоматку? Даю авиоматку!..

— Шесть модернизированных броненосцев ищут пристанища в Тихом океане... Согласны в дальнее плавание... Письменная гарантия в дальноточности орудий...

Задремавший председатель поднял голову, встряхнулся и тягуче выкрикнул:

— Шесть броненосцев! Шесть броненосцев — раз... Кто больше? Шесть броненосцев — два...

— Здесь конференция, — тихо шепнул ему секретарь, — торги после перерыва.

— А где покупатели?

— Разоружаются по наличному расчету, — почтительно кивнул секретарь головой на делегатов, — не извольте беспокоиться. Заказов на всех хватит.

— Хорошо. Заседание продолжается. На повестке дня — незаконная покупка Поли-

гамией и Магнезией канонерской лодки строительства 1862 года. С парусом, керосиновым двигателем, а также крепостной пушкой, приспособленной для стрельбы дробью. Канонерка куплена обеими высокими державами пополам для неизвестных целей. Представитель Полигамии здесь?

— Здесь.

— Магнезии?

— Здесь.

— Выйдите из зала. Виноват... Объяснитесь.

— Дistinguished gentlemen, — начал представитель Полигамии...

— И уважаемые, — добавил представитель Магнезии. — Канонерская лодка куплена нами исключительно для мирных целей. Она для культурного сближения между двумя высокими договорившимися сторонами. Из Полигамии она тайно ввозит спирт в Магнезию.

— А из Магнезии?

— Тайно ввозит спирт в Полигамию.

— Все равно. Конференция настаивает на немедленном разоружении.

— Нельзя. У нас орудие для баласта поставлено. Лодка перевернется. Она же старая.

— Тогда конференция потребует уничтожения вашего флота.

— Нельзя его уничтожить. Мы за него еще и деньги не все выплатили. Она ж в рассрочку. Сами понимаете: паруса, двигатель, якоря, — это же деньги стоят.

— Конференция требует разоружения.

Представители Полигамии и Магнезии сосредоточенно пошептались в углу, осторожно посмотрели на алибабского виконта Дудсона и, поймав его жест отрицания, заявили уже бойко и развязно:

— Не соглашаемся. Не желаем.

— Может, одумаетесь?

— Где там! Не одумаемся. Самим дороже.

После их отказа председатель облегченно вздохнул и с кроткой улыбкой объявил:

— В виду отказа и упорства двух представителей крупнейших морских держав и сохранения ими боевого флота в неуменьшем составе, пропорция морских вооружений Алибабии, Сезамии, Халифатии и Набобии остается прежней. Следующее заседание конференции по морским разоружениям переносится на ябрь месяц.

— Какой? — тихо переспросил секретарь. — На сентябрь или октябрь?

— Пишите пока: ябрь. А там впишем месяц, смотря по обстоятельствам...

ЕГОР НЕЛЬСОН

ЗИМА, ЗИМА!

Знойный июль распростер свои горячие крылья над землей и над всеми надземными постройками.

Человек и зверь и птичка — все обливались потом. В городе у киосков с газированной водой дремали в очередях трудящиеся, томимые жаждой. Местный поэт сидел у себя в комнате и в поте лица своего подбирал рифму к слову «сухой» и, не найдя рифмы, крепко заснул. А в это время...

А в это время на заводе, в кабинете с опущенными шторами сидел директор тов. Бородько и писал статью. Он писал о холоде, о лютых морозах, о свирепых буранах и прочих прохладительных вещах.

Статья называлась — «Готовь летом сани». Автор, иллюстрируя свои мысли цифрами и фактами, горячо доказывал, что хотя зима и приходит самотеком, но встретить ее надобно организованно и во всеоружии.

«Долой нытиков и маоверов! Даже, не прибегая к услугам метеорологических станций, мы можем определенно сказать на основе долголетнего опыта, что и в этом году вслед за осенью придет зима. Надо крепко ударить по рукам оппортунистов всех мастей, которые всячески недооценивают диалектически обоснованную смену климатических условий. Некоторые из них попытаются утверждать, что зима в этом году будет умеренная. Другие, наоборот, будут настаивать на свирепых холодах и этим самым будут тащить нас назад к давно зачеркнутым революцией ядерным крещенским морозам. Мы же должны со всей твердостью сказать: какая будет зима, не знаем, готовиться к ней надо уже сегодня, чтоб никакие стихийные ледяные сосульки не отразились на выполнении нашим заводом промплана...»

Статья появилась в заводской многотиражке. Читателю директорского произведения сразу становилось холодно в эти знойные июльские дни: до того художественно все изображено. Не желая особенно долго почитать на лаврах, автор статьи вскоре отбыл на юг, на берега Черного моря.

Вернувшись из отпуска, Бородько немедленно созвал к себе начальников цехов и сказал им речь:

— Я созвал вас, товарищи, для того, чтоб сообщить вам пренеприятное известие: к нам идет зима... Но шутки в сторону. Я хочу говорить на эту тему серьезно. По данным мировой науки, проникшим в печать, Гольфштрем в текущем хозяйственном году заметку похолодел, а по сему зима в этом году предстоит суровая. Как это происходит, — об этом поговорим в другой раз и в другом месте. Теперь же разберемся в таком вопросе: что такое Гольфштрем? Это, товарищи, хотя буржуазное, но очень влиятельное течение. Протому мы с вами должны проявить особую бдительность, дабы холода, имеющие возникнуть из-за Гольфштрема, не застали нас врасплох. А потому...

Дальше следовал ряд конкретных предложений: избрать четыре тройки, две ударные пятерки и шесть комиссий, в том числе агитационную, литературную и политико-просветительную.

Один из присутствующих пытался было нарушить ход заседания, внеся предложение о срочном ремонте в цехах крыш и дверей, сославшись при этом (и весьма бестактно) на пример соседних заводов. Но директор, снисходительно улыбаясь, дал понять этому незадачливому оратору, что он не намерен углубляться в делячество, что крохоборчеством пусть занимаются другие, а он будет ставить вопрос широко и принципиально.

Деятельность директора не всегда находила поддержку со стороны некоторых ближайших его помощников. Иные даже мешали. Так, например, начальник сборочного цеха пришел жаловаться, что до сих пор не отпущены средства на ремонт окон к зиме. Кроме того, в многотиражке появилось за подписью группы рабочих письмо о неподготовленности заводских помещений к зиме. Но Бородько стойко переносил все эти вылазки и неумоимо продолжал широко начатое им дело.

Для подготовки к зиме в плановом порядке директором были привлечены все местные культурные силы. Поэт, о котором мы уже упоминали, получил аванс под поэму о зиме. Кроме получения аванса, у поэта пока ничего путного не выходило. Были готовы только две начальные строчки:

«Зима, Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...»

На заводской территории появилась какая-то шумливая агитбригада, которая исполняла ею самой изобретенный танец «Снегурочка» и при этом припевала:

— Подготовимся к зиме.
Кум сказал своей куме:
— Вот идет, идет зима.

Эх ма, эх ма...
И ответила кума:
— Знаю без тебя, сама...

Подули беспокойные северные ветры. Холода с боем занимали землю. Утренней зарею появились первые заморозки, — разведчики наступающей зимы. Бородько вызвал завхоза и велел ему приобрести пару теплых валенок, — у директора стали забнужать ноги.

Это распоряжение было первым конкретным мероприятием директора по подготовке к зиме...

ЛЕВ ГРИГОРЬЕВ

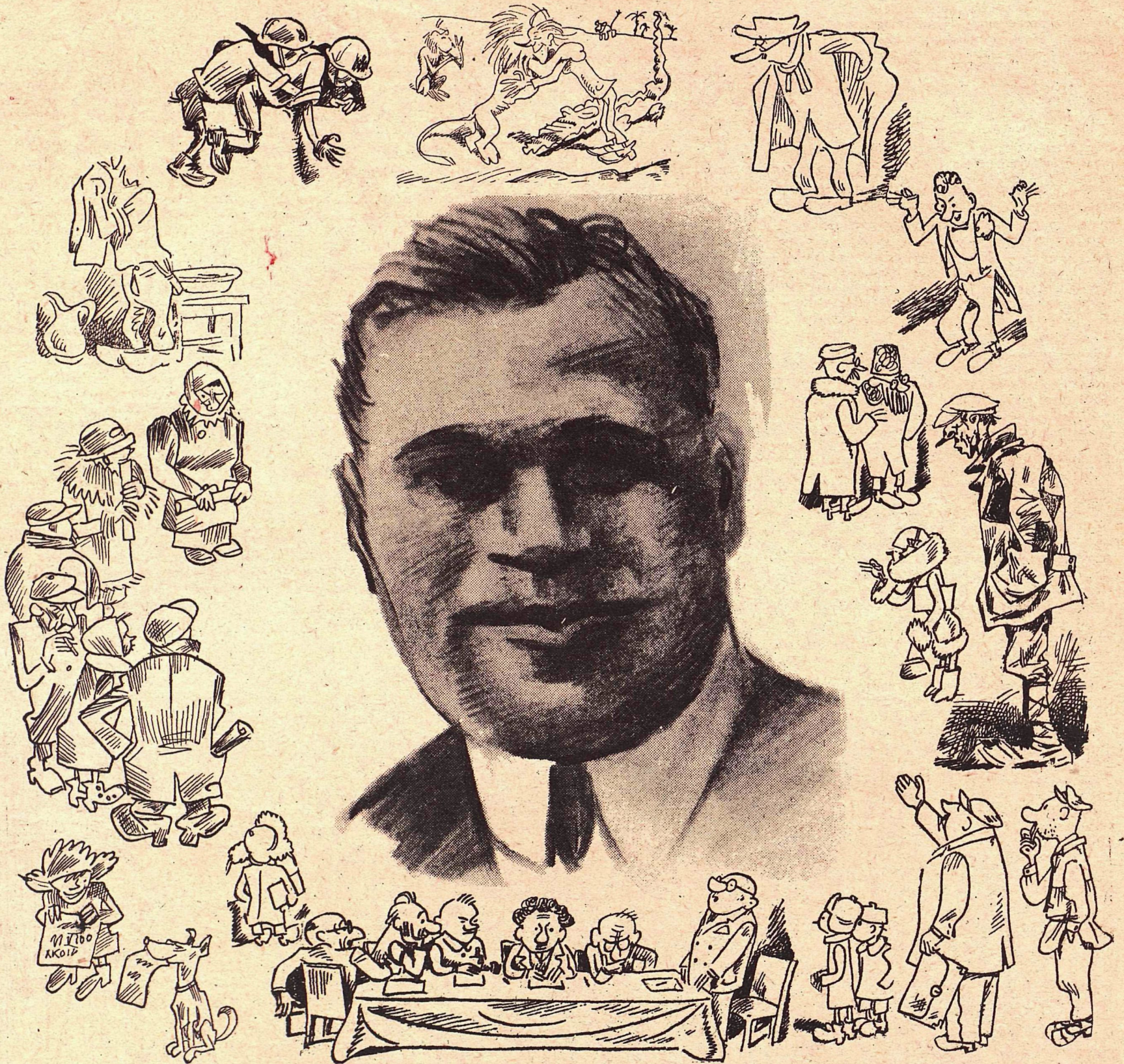
БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рис. Н. Радлова

ДЕД-МОРОЗ И СНЕГУРОЧКА: — Ну, хорошо: в сказках нам уже разрешается появляться, но в чем же мы появимся на улице зимой?

Б. И. АНТОНОВСКИЙ

Умер Борис Иванович Антоновский — один из крупнейших наших художников-карикуристов.

Советский читатель потерял автора острых, брызжущих сочным добротным юмором карикатур и остроумно-иронических шаржей. Мы потеряли веселого, жизнерадостного и крепкого в работе товарища.

Антоновский умер еще молодым. И жил Борис Иванович тоже все время молодым. Он весь был в улыбке, вечно увлекающийся своей работой, чтобы ему ни приходилось делать. Рисовал ли он острую политическую карикатуру, создавал ли своего пародического Евлампия Надькина, иллюстрировал ли книгу, — над всем, кроме присущей Антоновскому талантливости, чувствовалась большая любовь к тому, что он создает.

Когда он месяца три назад целые дни работал на с'езд писателей, рисуя шаржи на участников с'езда, в его альбоме появлялись зарисовки совершенно вне его производственного плана. То какая-то смешная фигурка человека из публики, то растерянное лицо делегата, потерявшего мандат, то восхищенная поклонница знаменитости, замершая в восхищении у книжного киоска?

— Зачем вы все это зарисовываете, Борис Иванович? Для какого-нибудь альбома? — спросил его один из приятелей.

— Да нет, знаете. Так. Для себя. Нельзя не зарисовать.

Вот это: нельзя не зарисовать, нельзя не сделать было характернейшей чертой Антоновского. Есть люди жадные на жизнь, — их много. Есть люди жадные на творческую работу.

Их значительно меньше. И Антоновский был одним из лучших представителей этих людей, для которых жизнь — прежде всего работа.

Антоновский с первых же своих творческих шагов сразу завоевал себе имя. В первых же его рисунках почувствовалось, что перед ним — блестящая дорога. В соревновании с крупными мастерами дореволюционной карикатуры его талант крепнет, технически подковывается, и Антоновский уже равный среди равных.

После Октября, когда задачи карикатуры и шаржа получают новое смысловое значение и значительно расширяются, — талант Антоновского расцветает полным цветением, и советская сатира приобретает в его лице одного из ценнейших работников.

Не было ни одного сатирического советского издания, в котором бы Борис Иванович не был близким, или отдаленным сотрудником. И это было естественно: кто же захочет отказаться от талантливого и иронически улыбающегося штриха Антоновского.

Наступал следующий этап в его жизни. Начиналось уже подведение творческих итогов за четвертьвековую работу. Начиналась уже работа над большими альбомами, подготовка к выставке... И вдруг внезапная болезнь. Быстрая, жестокая и безнадежная. И смерть.

Веселые крокодильцы сегодня скорбят об уходе из жизни своего брата по оружию, яркого и радостного советского художника.

ТАЙНА СПИРАЛЬНОЙ БАШНИ

Левая половина его лица напоминала недорогие обои. Преобладали разводы нежно-оранжевого цвета. Правая половина была почти натурального цвета, если не считать двух коричневых полос и одного блеклого кровоподтека.

Странный костюм его тоже требовал некоторых дополнений для того, чтобы стать изящным. Сквозь бреши в полосатом шевите нескромно проглядывали голые икры и канареечный блеск кальсон. Воротничок, как африканский талисман, колыхался на животе, а в руках были зажатые остатки левого рукава, верхняя часть кепки и зуб. И чувствовалось, что все эти вещи дороги как память о недавнем происшествии.

Побелевшими губами человек шептал:

— За что?

Он был сорок восьмым. Около него стояли сорок семь остальных. И полуденное солнце бесстыдно освещало самарских трудящихся с вывернутыми каблуками, оранжевыми ушами, лопнувшими брюками и затейливо раскрашенных во все составные цвета радуги.

Они стояли в очереди у медпункта в Самарском парке культуры и отдыха. И когда кто-нибудь пытался нарушить очередь скорбным восклицанием:

— Пропустите первым! Я же зеленый, у меня зуба нет и кровь из уха!

Очередь отвечала негодующим хором:

— Мы сами коричневые, и из нас тоже не ситро капает.

И они были правы. Все они пали жертвой собственного легкомыслия, воспользовавшись услугами аттракциона под названием «спиральный спуск», гостеприимно предложенного администрацией Самарского парка КнО.

Предполагалось так. Посетитель взбирается на верхушку спиральной башни, весело сверкающей отлакированным деревом, садится на фанерный коврик и под мурлыканье какой-нибудь незатейливой песенки, вроде «У самовара я и моя Маша», совершает скромный акт вращения внутри спи-

рали, для того, чтобы выпорхнуть внизу в группе ожидающих, с восклицанием, полным оптимизма и жизнерадостности: «А вот и я!»

Но это был только оптимальный план. Действительность несколько видоизменила его. Оказалось, что для придания спиральному спуску радостного блеска нужно было его покрасить. Неожиданно выяснилось, что в фанерном коврике, на котором с'езжали вниз неутомимые весельчакки, не должно быть сучков. А бока спиральной башни, хочешь не хочешь, должны быть гладкими. А так как эксплуатацию этого доходного аттракциона нельзя было задерживать и хозрасчет мрачно требовал усиленного взимания по 75 копеек за спуск с башни, ее выкрасили перед самым открытием, в коврик сучки торопливо забили внутрь, а выбойны и впа-

дины в стенах таровато закрасили двойным слоем краски.

Директор парка Чичканов осмотрел башню, хотел сесть на коврик, но во-время остановился и миролюбиво констатировал:

— О спуске не может быть и речи. Но вообще — развлечение культурное. Можно открывать.

Аттракцион должен был работать от 2 часов до 12.

Первый посетитель поступил по предназначению плану.

Он действительно сел на коврик, действительно замурыкал что-то, успокаивающее нервы, но уже через несколько секунд из глубин извилин спирального спуска послышался его глухой и рыдающий вопль:

— Братцы! Спасите! На собственном организме еду!

Несчастного мотало из стороны в сторону, освобождая на каждом повороте от той или иной необходимой части туалета. И когда вслед за ковриком из зияющего отверстия внизу выполз полуголый свежескрашенный человек, то уже не сказал лихо и интригующе:

— А вот и я.

Он, наоборот, тревожно ощупал себя, потрогал мокрое ухо и дрожащим голосом пролепетал:

— Кажется, это я.

Впрочем ему повезло. Он оказался добрым знакомым помдиректора

парка Праулина, и ему выдали 80 рублей за утраченные во время культурного отдыха на спиральном спуске брюки.

Остальным сорока семи пострадавшим повезло меньше. Несмотря на роковой пример, они все опрометчиво ринулись развлекаться. Они сползали на фанерных сучьях. Они стирали своими скромными туалетами свежую краску с боков башни и возвращались в мир зелеными, синими и ободранными, для того чтобы с негодующим шумом и выкриками добежать до медпункта.

Администрация парка в шесть часов вечера закрыла веселый аттракцион.

— Разве таких развеселишь, — обиженно сказал директор Чичканов. — Разве они умеют культурно кататься на фанере?

— Далеко им до Европы, — подтвердил начальник строительства аттракционов Кузовкин. — Им добра желают, а они с ободранными мордами вылезают. И крашенные. Ну, рви собственные штаны, — зачем же еще краску государственную портить. Э-эх!..

В этот же день администрация устроила вне пределов парка торжественный пир по поводу открытия спиральной башни. На пиру говорились победные речи о культуре и от-

дыхе. На другой день строитель спиральной башни Кузовкин и его помощники были премированы 1.500 рублями за успешное выполнение строительства и удачное приспособление его для отдыха трудящихся.

Сорок восемь пострадавших быстро долечились и перекрасились в натуральный цвет. И только в глухие осенние вечера самарские матери пугают неопытных подростков, укладывающих их спать:

— А вот ты у меня поболтаешь ногами на кровати!.. Как пошло тебя на спиральную башню, тогда узнаешь!..

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

Иллюстрации К. Ротова

ПИСЬМО КРОКОДИЛУ

До свиданья! Приветов несчетные
Шлю я всем и тебе в том числе,
Крокодил, дорогое животное,
Проживающее в Москве.

Но возникнет знакомая улица
И знакомой редакции дом.

И теперь до тебя уж далече мне.
Шведский гнейс и финляндский гранит,
Много почв и пород человеческих
Между мной и тобою лежит.

И пройдут с быстротой киноленты.
Те, кто после рабочего дня
От прохладной Пьямы до Ташкента
И читают и помнят меня.

Километров большое количество,
Две границы двух разных миров.
Два залива, из коих Ботнический,
Я бы даже сказала, суров.

И от этого сердце стеснится,
Отмечая проделанный путь.
И захочется белой страницей,
Как платком на вокзале, взмахнуть.

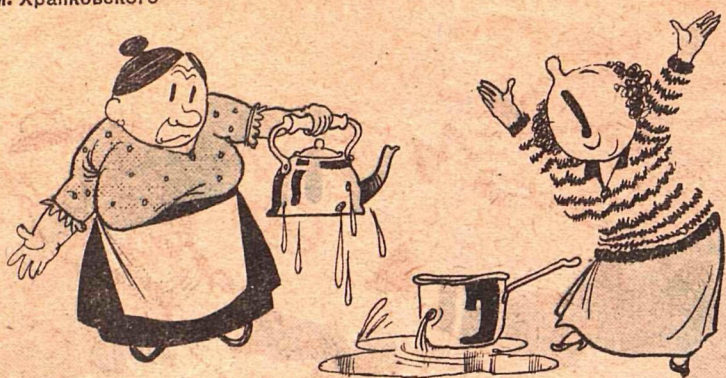
Он был грозен с московским писателем,
Причиняя писателю боль.
Но зато до чего обаятелен
Восхитительный город Стокгольм.

Я увижу Норвегию, Данию,
И затем в дорогую страну
Я вернусь. А пока до свиданья,
Крокодил, дай мне лапу свою.

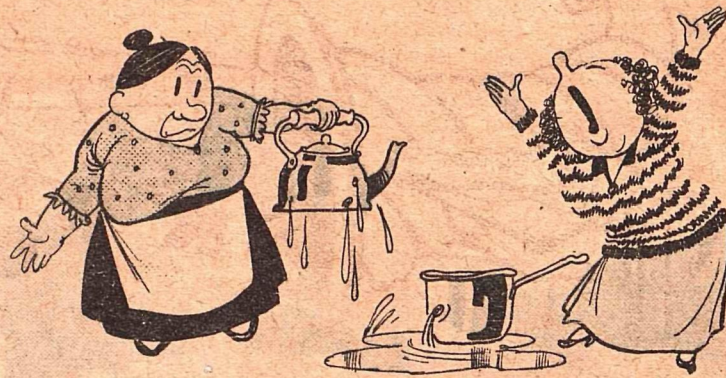
Да, конечно. Но стоит зажмуриться, —
И тотчас же, хотя бы мельком,

Швеция, Октябрь 1934 г.

Рис. М. Храпковского

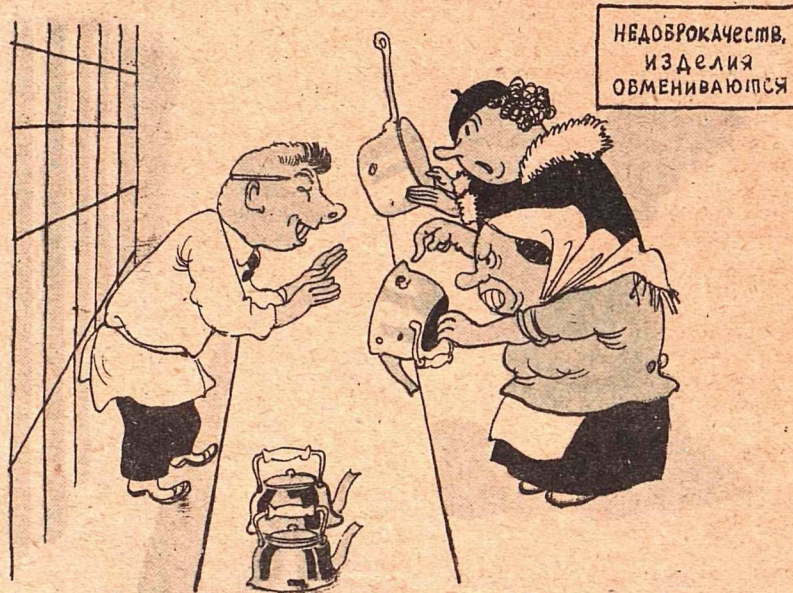
1. Все течет...

Все снова течет...

2. Все меняется...

4. Все снова меняется...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БУДЕТ ГОВОРИТЬ...

По главной улице стройными рядами движется процессия. Идут: главный врач больницы, его помощники, санитары и престарелый больничный сторож.

В руках — корзинки, лукошки, береты, портфели и шапки. Вся эта разнообразная тара наполнена яйцами.

Идут медленно, осторожно ступая по липкой грязи. Неровен час, оступишься, — и улица превратится в большую яичницу...

Что за шествие? И почему представители медицины обременены таким грузом?..

Даже лучшие знатоки географии мало знают о местечке Ляцкорунь. Сообщаем: находится оно в Чемеровецком районе, Винницкой области.

Дополнительные сведения: местечко славится своей больницей.

Да, больница не плохая. Но заболеть в Ляцкорунь рекомендуется только днем. Если же вы нуждаетесь в скорой помощи в безлунную ночь, врач у вас спросит:

— С чем пришли?

— Живот...

— Не то. С животом каждый притти может. Спрашиваю, с чем пришли — с керосином или со свечей?

Больница в Ляцкорунь полностью обеспечена солнечным светом. Но это исключительно для дневного обихода. Ночью же в больнице, как и на улице, темень. Керосина больнице не полагается. Ни за какие деньги!..

Ночью больные или вовсе не должны жаловаться на боли и терпеливо дожидаться утренней зари, или же должны, если невтерпещ, тащить с собой в больницу бутылку с керосином.

В местном кооперативе керосин есть. Пожалуйста, сколько угодно. Но не за деньги. Иванов ли, Сидоров, больница, школа — никому.

«Керосин выдается в обмен на яйца», — возвещает плакат на дверях кооперативного магазина.

Значит, если хочешь быть ночью при свете, — доставай яйца.

Недавно, дождавшись базарного дня, весь персонал больницы в организованном порядке двинулся на яйцезаготовки. Скупили почти все яйца на рынке, чтоб обеспечить больницу керосином на всю зиму.

И вот мы застаем процессию: сотрудники больницы, имея в авангарде главного врача, несут яйца в кооператив. Наконец-то в больнице по ночам будет мерцать огонек! Да будет свет!..

Пришли медики в кооператив. Прямо к главному заведующему:

— Здравствуйте. Принесли вам яйца.

— Здравствуйте и спасибо! А только в яйцах мы не нуждаемся. Керосинчику захотели? Не выйдет. Мы теперь меняем керосин не на яйца, а на шкуры крупных животных и собак...

Стоят у кооператива врачи, санитары и старик сторож. Смотрят друг на друга с тоской.

Где достать шкуры крупных животных? Где добыть собак? Может, специальную охоту устроить? И что теперь делать с таким количеством яиц? Куда с ними деваться?

День угасал медленно, но верно. Спускалась ночь на славное местечко Ляцкорунь — мочь без звезд и без керосина.

И опять по ночам в больнице темно. Но до этого здесь никому дела нет.

Вообще о больнице — об одном из культурных центров района — никто здесь думать не хочет. Мелочь. Есть дела поважнее.

Председатель райисполкома Грызунов, ласково улыбаясь, обещает, обнадеживает, — вот и вся его помощь. Одна улыбка на квартал, как по смете.

Заведующая районным финансовым отделом Орлова — та даже не улыбается, а серьезно и деловито и самым аккуратным образом не выдает больнице следуемых ей по смете денег: «Обождут. Есть дела поважнее»...

— Обидно, — говорят местные врачи, превращенные в заготовителей куриных яиц и собачьих шкурок. — Очень обидно. Ездили мы в соседний район, там больница, как больница. Там райисполком, как райисполком. Чем мы хуже других? Почему у нас в Ляцкорунь такой?..

Они не договаривают, деликатные медики Ляцкорунь. Но и так понятно, о чем речь идет.

Отвлечемся на минуту от больницы и врачей и заглянем в райисполком. Ходите на цыпочках, говорите шопотом. Не мешайте сильно занятым людям.

А заняты они здесь подготовкой материалов к докладу председателя. Сколько цифр! Копна, стога цифр!

Скоро на собраниях по перевыборам советов будет выступать председатель райисполкома. Полной пригоршней, как древний сеятель, он будет разбрасывать цифры. Он будет говорить, говорить, говорить...

Будьте уверены — о культуре, о здравоохранении он по привычке тоже будет говорить...

Г. РЫКЛИН

НЕРАСКРЫТАЯ ТАЙНА

Я прямо пошел к психиатру. Он принял меня сразу и с той ласковостью, с какой обычно начинают встречу с тихими сумасшедшими.

— Доктор, — почти безнадежно сказал я, — мне кажется, что я не нормальный.

— Может быть, — мягко согласился он. — Это вполне нормальное явление. На что жалуетесь?

— На зубы, — вздохнул я.

— Попробуйте обратиться к дантисту. Я — психиатр.

— Обращался.

— И что же он вам сказал.

— Послал к парикмахеру.

— Были?

— Был. Отказывается.

— От чего, голубчик?

— От зубов отказывается. Не берет он зубы.

— Так...

Доктор немного испуганно посмотрел на меня и осторожно отодвинулся подальше.

— И давно это у вас? Вот это самое...

— Волосы из зубов пошли? Недавно. Сначала из верхней челюсти, а теперь и нижняя небритая. Все люди, как люди, а у меня — усы внутрь.

— Это чисто нервное, — успокоил меня доктор, взял книгу для пациентов и уже несколько официально спросил:

— Бабушка алкоголичка?

— Да нет, не замечал я этого за старушкой...

— Отец нормальный?

— Обычно ничего. Разве что после трамвая...

— Родственники здоровы?

— Мерси. Только один дядя немного жалуется на подагру.

— Странно, — растерянно пробормотал доктор, — по родственной линии все благополучно, вид крепкий... Раскройте-ка рот.

Я раскрыл рот со всей присущей мне добросовестностью. Доктор заглянул в него и радостно взмахнул руками:

— Голубчик! Да у вас действительно обе челюсти в волосах!

— Я же вам говорил, доктор.

— Так вы же сумасшедший!

— Я и об этом говорил.

— Ну, конечно, сумасшедший, — весело засмеялся он, — вы, наверно, зубной щеткой чистите зубы.

— А чем же мне их чистить, доктор, — слегка обиделся я, — не ножом же для консервов.

— Ах, молодость, молодость! Не щадит она себя. Идете, наверно, в универмаг, покупаете зубную щетку, суете ее себе в рот, запальчиво трете ею о зубы и удивляетесь, что вынимаете ее лысой, а в деснах у вас волосы. Вот она, чарующая прелесть непьютности!...

— Доктор, мне кажется, что я начинаю догадываться...

— Идите, идите, молодой человек, — сказал он, выпроваживая меня, — вы совершенно здоровы. Попробуйте выщипать волосы из десен сахарными щипцами, дышите свежим воздухом, катайтесь на автобусе, любите, перемените фабрику зубных щеток, а то лучше даже старайтесь чистить зубы просто пальцем... До свиданья. Кстати, физически вы здоровы? Пульс?

— Кажется, есть. По крайней мере вчера еще был. Не знаю, как сегодня.

— Температура?

— Нормальная, доктор. От 35 до 42 градусов.

— Что вы с ума сходите!

— Поэтому я к вам пришел. И термометр с собой принес. К сожалению, на термометре нехватает делений. Может, у меня даже от сорока трех до пятидесяти шести.

Я вынул этот жуткий стеклянный прибор, протянул его доктору и покорно вздохнул.

— Поставьте его, — предложил доктор, и старайтесь посидеть десять минут спокойно.

Через десять минут доктор вынул термометр и внимательно посмотрел на шкалу. Ртуть лежала внизу трубочки неостребованным грузом.

— Судя по этой температуре, — задумчиво сказал доктор, — вы уже третьего дня умерли.

— У меня еще нет этих сведений, доктор. Во всяком случае полчаса тому назад, когда меня штрафовали за переход улицы в неустановленном месте, я был жив.

— Поставили термометр снова.

У меня оказалось около 41 градуса.

— Попробуем еще, — предложил доктор.

— Хорошо, — безучастно согласился я, — пробуем. Если хотите,

немного потрясите меня. Может, это поможет термометру в его ответственной работе.

Он ничего не ответил и стал взволнованно смотреть на часы. Когда вынули термометр, у меня не оказалось ни одного градуса вообще.

— При такой температуре, — безнадежно сказал доктор, — провозят в холодильниках кенгуровый жир из Австралии в Швецию, и он не портится в пути.

— Что же делать, доктор?

— Медицина здесь бессильна. Попробуйте ходить в театр, развлекаться, пейте больше молока и, кстати, купите себе другой термометр. — Он внимательно осмотрел термометр. — А этот разбейте.

— Я его лучше подарю.

— Если у вас есть семья, которой вы хотите отомстить, — подарите. Пусть гибнет. Ну, будьте здоровы. До свиданья. Других дефектов в себе не замечаете?

— Спасибо, доктор. Остальное все благополучно. Кроме звона.

— Какого именно?

— Я бы сказал вроде, как велосипедного. Днем. Ночью тоже. В ушах.

— Ясно ощущаете?..

— Чего уж яснее! Даже соседи жалуются. Оказывается, когда меня нет дома, тоже звонит.

— В ушах?

— В ушах.

Доктор вздохнул и профессиональным жестом снова раскрыл книгу для пациентов.

— Бабушка алкоголичка? Нет. Отец пил запоем? Нет... Родственники?

— Здоровы, доктор. А звон есть,

— И часто?
— За ночь раз семь звонит. Днем реже.

— Странно. В какой обстановке живете? В нормальной? Так. Опишите.

— Слева диван. Под диваном бутылки, на столе Муся в рамке, папиросы «Дели», будильник.

— Сумасшедший!

— Ну да, доктор, сумасшедший. Я же вам говорил.

— Что же вы не сказали, что у вас на столе будильник. От него и звон в ушах.

— Доктор, я же его не завожу.

— Потому и звонит. Это же будильник. Попробуйте его завести, — никакого звона не будет, и можете спать спокойно. Я эту продукцию знаю.

Он ободряюще засмеялся, хлопнул меня по плечу и стал снова выпроваживать к двери.

— Вы же совершенно нормальный человек. Читайте издания «Академии», слушайте радиопередачи, ешьте фрукты и выкиньте будильник. Идите.

— Спасибо, доктор, — пожал я ему руку, — вы меня просто воскресили. А я уже прямо в отчаяние впал, честное слово... Встал сегодня утром, побрился...

— Как вы говорите: побрился?

— Побрился, доктор.

— А чем именно?

— Как всегда. Безопасной бритвой.

— Как?

— А лыковенной. Мосшамповской.

— Вы это серьезно?

— Серьезно, доктор.

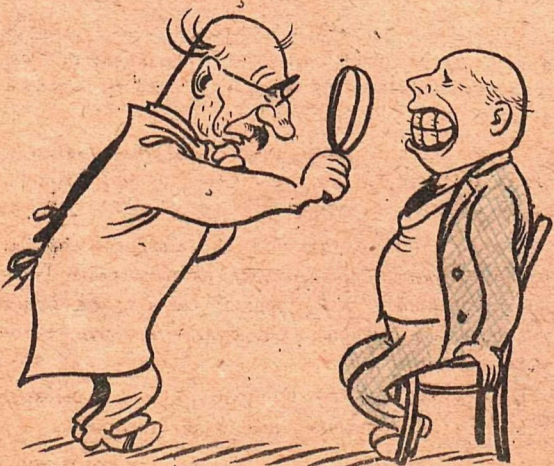
— Значит, вы утверждаете, что мосшамповским лезвием можно бриться? Так я вас понял? Так? Ну что же, ничего не сделаешь. Жаль. Поздно ко мне пришел.

И печально посмотрев на меня, он твердо сказал, постукивая карандашом по столу.

— Алкоголичка у вас бабушка. Подвела вас старушка. И папаша запоем пил. Не замечали вы только. И родственники не лучше. Зайдите в четверг. Я вам записку в психиатрическую лечебницу дам. Хотите сейчас карету скорой помощи вызову? Не стесняйтесь, — в таком положении нельзя вас оставлять без помощи...

Вторые сутки я сижу дома. Передо мной лысая зубная щетка, термометр, остановившийся на сорок одном градусе, заведенный будильник в угрожающей позе и жуткое бритвенное лезвие.

Завтра — четверг. Ити к доктору за запиской в лечебницу или в универмаг поговорить о продукции? Сумасшедший я, или весь вопрос в браке? Кто мне ответит?

Петр Семенович, и Виктор Петрович, и Андрей Егорович, и Владимир Иванович, и Анна Михайловна, и Кира Васильевна, и Елизавета Николаевна, и Туся (кто ее знает, как она по имени, отчеству называется) днем на службе в час обеденного перерыва договорились собраться вечером под выходной на квартире у Петра Семеновича.

— Отдохнем, повеселимся, — сказал Петр Семенович. — Что же это в самом деле такое: сегодня баланс, завтра баланс, надо ж пожить когда-нибудь.

— Конечно соберемся. Повеселимся, только культурно, — сказала Елизавета Николаевна.

— Разумеется, культурно, — добавил Виктор Петрович. — Никаких, конечно, выпивок, всяких этих патефонов, дурацких фокстротов.

— Да уж, патефонов — категорически. Надоели досмерти. — Кира Васильевна скривила рот, сделав такую гримасу, что всем стало ясно, как надоели ей патефоны.

— Расскажем что-нибудь, читаем, — предложил Андрей Егорович. Он был членом литактива стенной газеты «Красное салдо» и втихомолку шалил даже по поэтической части.

— И еще попоем, — добавила Анна Михайловна. — Правда, Тусенька, попоем?

— Попоем, отчего же, — неуверенно согласилась Туся.

— Значит, ровно в восемь, не запаздывать, а то пока соберемся, пока то да се, а трамвай только до полвторого, глядишь, ничего и не успеем. Так решено!..

К половине девятого все были в сборе. Запоздали немного лишь Виктор Петрович и Туся. К девяти пришли и они.

— Ну что ж, начнем, — сказал Петр Семенович. — С чего начнем?

— Есть чудесная игра, — сказала Кира Васильевна. — В слова. Берется слово, например «микроцефалия», чтобы подлинней, это ничего, что непонятно, и из букв делаются другие слова. Это очень, очень интересно. Правда, Тусенька? Виктор Петрович, ну что вы там с Тусей уселись болтать? У вас есть карандаш? Нужно всем по карандашу.

Наскребли пять карандашей и две ручки. Но в доме не оказалось чернил, и поэтому три карандаша разрезали пополам. А Петр Семенович изорвал блокнот на листики.

— У меня уже шесть слов, — радостно вскричала Кира Васильевна.

— Что шесть, у меня одиннадцать.

Туся отложила карандаш и бумагу и капризно заявила:

— А я думаю, думаю и только одно слово придумала. Это скучно.

— А и верно, скучновато, — отозвался хозяин дома. — И потом голова не работает: утром баланс, вечером слова... Нужно что-нибудь поживее.

— А что если прочитать что-нибудь из Пушкина, — предложил Андрей Егорович. — Из «Медного всадника», знаете ли... Или из «Онегина». У вас есть Пушкин, Петр Семенович?

— Да был где-то, но сейчас отыскать не берусь, беспорядок у меня, знаете ли.

— Ну, ничего, я на память.

Все расположились в удобных позах, и Андрей Егорович, опершись рукой на край стола, начал декламировать:

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше... и лучше... мм... как это...»

— И лучше сделать он не мог, кажется так, — заметила Елизавета Николаевна.

— Ничего подобного, ничего подобного. Вот как: и лучше придумать он не мог. Я очень хорошо помню, — и Туся торжествующе и схибно улыбнулась.

— Н-да... трудно как-то по памяти, — сказал Андрей Егорович, слегка смущенный, и сел на место.

— А почему бы нам не попеть? — преувеличенно весело предложила Анна Михайловна, чтобы замять неловкость. — Только, конечно, не Вертинского, а что-нибудь современное или хотя нет, современные песни тоже все какие-то военные. Что-нибудь старинное...

— Привяльно, — поддержал Владимир Иванович и дребезжащим голосом затянул: «Из-за острова на стрежень...»

— Ха-ха-ха, — звонко рассмеялась Туся, — на «стрежень», такого слова и нет «стрежень»... На стержень!

— Какой же стержень, где же у простора речной волны стержень? Вот Виктор Петрович, он по морским делам специалист, сколько лет в Крыму жил. Виктор Петрович, да где же он? Виктор Петрович!

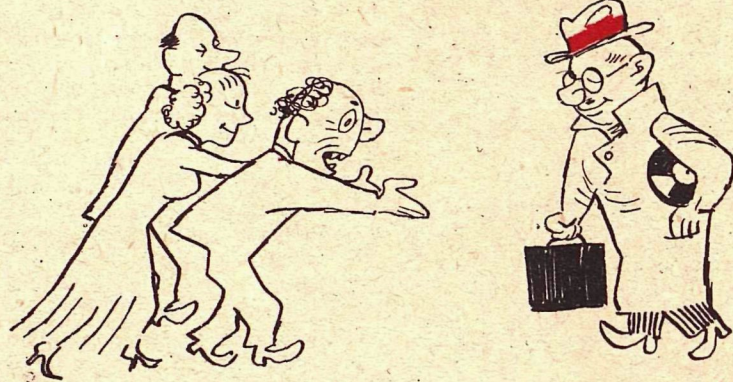
— Я здесь. Я сейчас, — откликнулся голос из передней. И Виктор Петрович вошел, держа в руках аккуратный ящичек, обитый шагренью.

— Патефон! — взвизнула Туся, но сраженная взглядом Анны Михайловны, мгновенно стихла.

— Понимаете, совершенно случайно, я, конечно, не думал приносить, а просто был в починке, сейчас только из мастерской взял, ну, домой, уж не заносил, опоздать боялся. Двадцать два рубля заплатил. Мембрану новую поставил.

— Жаль, пластинок нет, — задумчиво сказала Туся.

— Как нет, есть и пластинки... это самое... чинил. Испробуем, что ли, после починки?

Через пять минут легкомысленные звуки заполнили комнату. Через шесть минут Петр Семенович открыл дверь в переднюю и, укоризненно покачивая головой, сказал:

— Туся, Виктор Петрович, что же вы здесь в темноте... Танцуйте уж в комнате.

Через семь минут Елизавета Николаевна, подхваченная Андреем Егоровичем, уже неслась по комнате, изнемогая в судорогах румбы.

А через десять минут все плясали, напевали и весело смеялись.

— Поставьте «Забвение» или «Фиесту», — хлопотала Туся.

— Нет, «Магнолию» Вертинского, — требовала Анна Михайловна, — я люблю пение. Виктор Петрович, дорогой, «Магнолию».

И вдруг произошла ужасная вещь. Патефон издал хрипящий звук, голос, певший «Магнолию», поехал вниз и замер. Произошла катастрофа. Патефон сломался. На мгновение все оцепенели. Потом мужчины ринулись к месту катастрофы. Высказав несколько предположений о характере аварии, они поняли, что они бессильны. Тогда Виктор Петрович, придав лицу непринужденное выражение, унес патефон в переднюю. Через минуту он оказался в дверях уже в пальто и кепи.

— Виктор Петрович, куда же вы, посидели бы еще, — ласково сказал хозяин.

— Нет, спасибо, я, знаете ли, тороплюсь, мне завтра вставать рано.

— И я с вами, — крикнула Туся. — Нам по дороге.

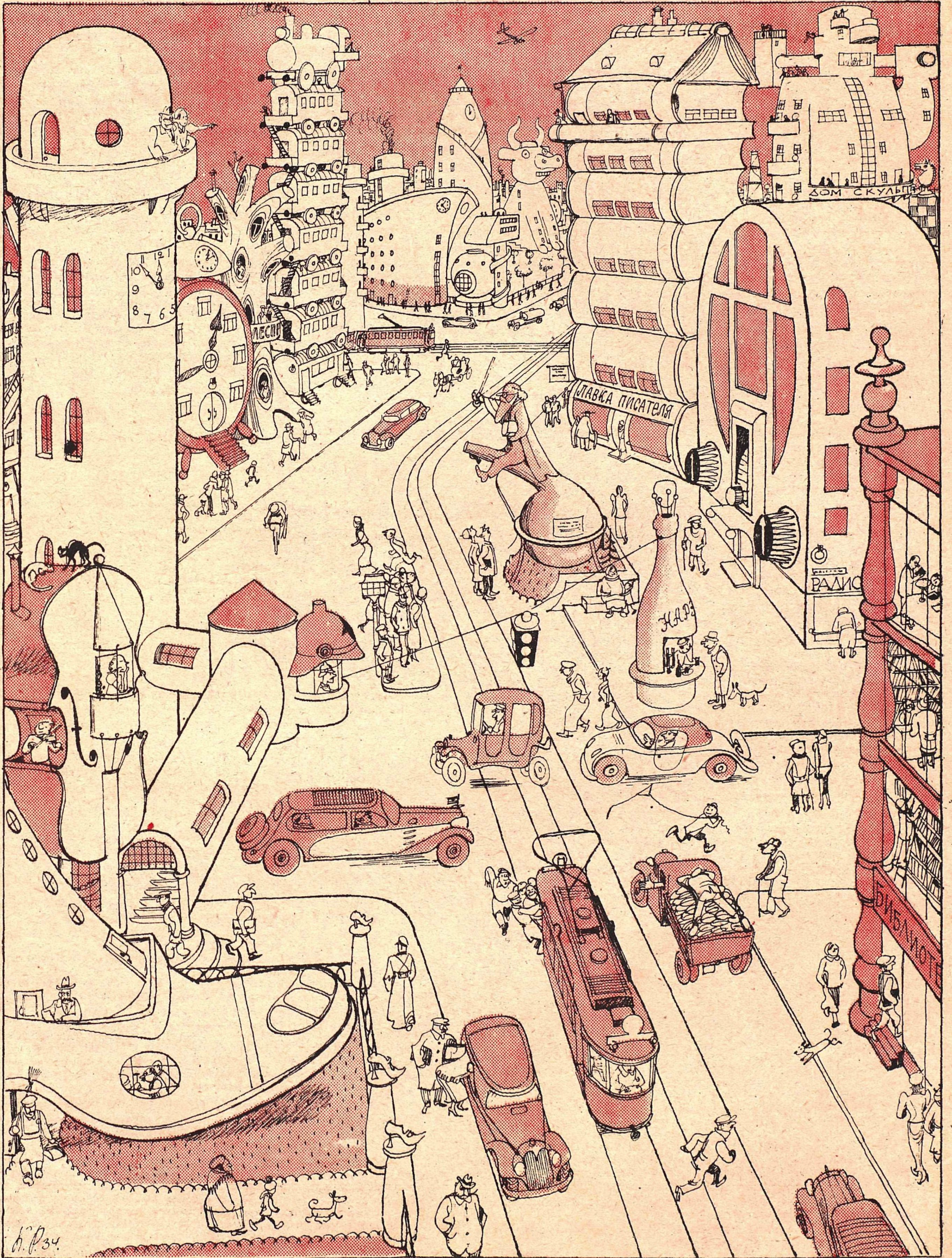
Они ушли, а оставшиеся долго бранили их за отсутствие товарищеских чувств и умственную пустоту. Посидели несколько минут. Потом Анна Михайловна вышла в переднюю, где стоял коммунальный телефон, чтобы звякнуть домой. А звякнув, вошла в комнату расстроенная и, сообщив, что у нее заболела старушка мама, извинилась и быстро ушла. За ней потянулись остальные. Петр Семенович, проводив гостей, походил по комнате, пожевал губами и сказал вслух, будто обращаясь к самому себе:

— Конечно моя вина. Можно было бы и культурнее провести время. А то Пушкина нет, карандашей нет... Где уж тут веселье!

КАПИТАН ГАТТЕРАС

ПО ОСОБОМУ ЗАКАЗУ

Рис. К. Ротова

До Крокодила дошли сведения, что в Москве собираются строить дом для композиторов в виде лиры. Изумленный этим неожиданным полетом архитектурной фантазии, Крокодил немедленно же предложил худ. К. Ротову срочно изобразить ориентировочный проект специальной улицы, все дома на которой построены согласно профессиональным навыкам и вкусам их заказчиков. Что получилось, — читатель видит сам.

ШЛЯПА НА ПОЛКЕ

Она свалилась ему на голову со шкафа в передней шуршащим пыльным комом.

Иголкин встряхнул желтый газетный шар, избегая мохнатых нитей, и она скользнула бесшумно на пол, шелковым нутром кверху.

Это была она, его шляпа. Он предал ее лет десять тому назад, устав за нее бороться.

Почему она упала сейчас, когда он только что оскорбил ее память?

Он вышел из треста в пять. На нем была кепка, шестая или седьмая с тех пор, как он скинул шляпу.

Стоя в трамвае и спокойно фехтуя задом, он получил толчок в бок, после чего под привставшей было старухой оказался не он, а болезненный гражданин в шляпе.

Чувствуя, что смощенничал, гражданин отвернулся, но не так быстро, чтобы Иголкин не бросил ему в лицо:

— Ишь! Ш-шляпу надел!

Гражданин взглянул на него круглым от злости взором, но не принял боя, так как страдал еще и вторым пороком: на нем было пенсне.

Иголкин оскорбил шляпу... Иголкин, который в течение всей гражданской войны бился за свою шляпу, помня, что революция — вихрь, который отбрасывает все, что ему сопротивляется.

Он думал, что если раз'яснить вихрю, то вихрь, срывая дубы, оставит на его голове шляпу, как знак культуры, которая должна была осенить головы рабочих.

Ему казалось, что, сидя во время шторма на его голове, она будет светить всем, как маяк. А вместо этого она притягивала на него молнии, которые поражали и жену, когда она шла рядом.

Мальчишки кричали ему:

— Шляпа!

Жена сдала свою красивую шляпу первая.

Испуганная, она выскочила из-под ее ярких перьев и укрылась под мохнатым кроличьим колпаком с болтающимися бакенбардами.

Это было надежное прикрытие, и даже Иголкин в шляпе мог двигаться рядом с женой спокойно, как под конвоем.

Потом жена прикрылась суконным картузом, приняв вид очень несчастной беженки. Но и ее картуз не мог защитить Иголкина, когда он был один в шляпе.

Шляпа была каким-то проклятым куполом, который отравлял всякий звук, шедший из уст Иголкина.

Защищать шляпу было напрасно.

Нужно было, чтобы кто-нибудь очень сильный вернул ей ее изящное назначение — одухотворить человеческое лицо изломами боков и лентой.

Но голоса сильного не было, и он в минуту уныния сдался. Он устал разыгрывать Дон-Кихота, когда его убеждали забросить шляпу.

Он отдал шляпу, и когда он появился вместе с женой: он в своей кепке с пуговкой, она — в колпачке с шариком, то оба показались невинными, как пара новобрачных сосисок.

Он был безутешен. Он думал, что никогда не привыкнет к кепке. Но ошибся.

Он очень привык к кепке. Слишком.

И вот теперь, когда он только что оскорбил шляпу, она лежала перед ним фетровой душой кверху и спрашивала:

— Готов ли ты снова надеть меня, Иголкин?

Какое странное совпадение.

Вчера он прочел о том, что нарком пожурил ответственного работника за то, что тот явился к нему неряшливый и небритый. О воротничках, о вежливости, обо всем, что так ловко вязалось со шляпой.

Иголкин нагнулся и поднял шляпу. Вблизи было зеркало.

Да, это было его, одухотворенное мягким фетром лицо, может быть, более решительное.

Шляпа сохранилась не хуже чем он, несмотря на вешущую в нее пыль, на дырку, на моль, смотревшую из нее, как из окна гостиницы.

И все-таки шляпа показалась ему чересчур экзотической.

— Виноват, — услышал он молодой крепкий голос. Иголкин стоял на проходе в передней.

Это был рабочий-литейщик Банкин, — его беспокойный сосед по комнате.

— Извиняюсь, — еще вежливее сказал тот и приподнял... шляпу.

Свою шляпу!

Как?.. Уже?.. Как это быстро свершается! Неужели он опоздал?.. Опять опоздал. Он бросился следом за Банкиным.

На крыльце Иголкин остановился: на нем было грубошерстное пальто, полученное им как премия. Верное, жесткое и задиристое.

Но оно легко примирилось с шляпой.

Иголкину даже показалось, что оно отнеслось к ней как-то особенно бережно, как к иностранке, хрупкой и миловидной, и собиралось показать ей улицу, не обращая внимания на ерзавшего в ней Иголкина.

Сверкали огни; икали автомобили; давились музыкой громкоговорители; смеялись девушки; буйно галдели глотки.

И, что самое удивительное, многие из них галдели под шляпами.

Это были нехитрые советские шляпы, не умевшие еще держать ворсу, как и их здоровые обладатели. Но и в тех и в других скользила растущая с каждым днем требовательность.

Было ясно, что он что-то такое прозевал, а его шляпа играла наперняка, уверенная в приеме.

Он гордо поправил шляпу.

— Эх, ты! Шляпа! — гаркнуло над его ухом.

Он вздрогнул.

Но это относилось не к нему, а к длинному бритому человеку в пенсне и в кепке.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Рис. М. Храпковского

На пунктах Заготзерна Западносибирского края систематически происходит задержка сдатчиков хлеба.

БЕДНЯК:—Подай, благодетель, хлебушка... Пятый день не евши маюсь...

КОЛХОЗНИК:—Прими же хлеб, волокитчи ты этакий! Пятый день ты меня с ним маешь...

ПЬЯНАЯ ГИРЯ

У Божовского все время стреляло в ухе. Усталый от бессонной ночи, он брюзжал целое утро. Ему не нравились сослуживцы. Карандаш то и дело ломался в нервных руках. Телефон почему-то звонил чаще, чем всегда. И вот опять прямо над больным ухом зазвенел телефон.

— Ну, что еще? — поморщился в трубку Божовский.

— Беда. Вагоны стоят. Взвешивать нечем. Привеска нет. Нехватает стокилограммной гири.

— Гм! А без нее нельзя?

— Ну, как же? Не ставить же двадцатипудовую!

— Ладно. Пришлите весовщика.

Сдавливая руками трещавшую голову, Божовский долго и вдохновенно ругал весовщика. Ругал проникновенно и с явным удовольствием. От этого как будто даже уменьшилась боль. Весовщик Рыкова понуро стояла перед столом грозного начальника. И только изредка поправляла туго перетянутый ремень.

— Выход! Я требую выхода! — взвизгнул Божовский, заканчивая «разнос».

— Осмелюсь доложить, выход есть.

— Ну!

— Грузчик наш. Гребелюк-с. Аккурат килограмм сто весит, без ма-лого. Если освободить его от работы да к весам приставить, то... осмелюсь доложить, — гирьку он и заменит.

— А, это, знаете, того... Идея! А как он, Гребелюк этот, действи-тельно стокилограммный?

— Немного нехватает.

— Послать в район. Точно взвесить, взять справку.

Ухо успокоилось. «Заместитель» оживился. Потер радостно руками, закурил.

В городе Гребелюк получил справку:

«Весит в одежде, без сапог — 93 килограмма».

— Ну, милый, становись, — пригласила живую гирю Рыкова.

Бывший грузчик взгромоздился на тарелку весов, где уже лежало несколько гирь. На рельсовую платформу поставили вагон.

— Эге. Что-то больше тянет, — забеспокоился весовщик. — У тебя, что, справка верная?

Гребелюк смущенно улыбнулся.

— Да понимаешь. Я перекусил малость. Может, оно и прибавилось... весу-то...

— Вот, черт! Своих обязанностей не понимаешь. Что же теперь де-лать? Может быть сходил бы... куда надо.

— Сейчас никак не могу.

— Вот леший. Промфинплан только портишь.

Весовщики держали совет: как быть, пускать Гребелюка на весы до обеда или после. Решили: после обеда не пускать и вообще кормить по норме, сообразно инструкций Палаты мер и весов.

В дальнейшем все пошло, как по маслу. Гребелюк исправно приходил на работу, становился на весы. Вагоны подкатывали на платформу. Щелкали на горизонтальном стержне гирьки. Казатинские весовщики гордо отмечали вес в вагонных накладных.

Гребелюк, отвыкший от физического труда, потолстел. Лицо его лоснилось от сытой жизни и довольства. Приятелям по работе он спесиво по-давал два пальца и важно кривил губы:

— Эх вы, бублики. Все носите. А я вот вышел, наконец, в... гири.

Иногда его приглашали на гастроли соседние станции. Гирь нехватало и там. Ангажемент в таких случаях подписывал смотритель сортировоч-ной рампы. Слава о Гребелюке обошла все окрестные товарные дворы. Зна-менитый грузчик уже именовался «ударником весов и гиревого хозяйства».

И вот однажды...

На станции шла лихорадочная работа. Срочно надо было отправить маршрут с хлебом. Суетились составители. Тревожно гудели рожки стрелочников. Вагоны с зерном длинной вереницей выстроились около весов.

— Где же Гребелюк? — озирались по сторонам весовщики, — зерно вешать надо, а его нет.

Вдали показалась шатающаяся фигура знаменитого человека-гири. По-дойдя к весам, Гребелюк мутным взглядом обвел весовщиков и надрывно выдал:

— Не желаю. Понимаете? Не желаю! Господи, за что? За что, спра-шиваю, человека обижаете? Не желаю... быть гирей.

Гребелюк присел на ящик и заплакал пьяными слезами.

Божовский разбирал телеграммы.

«20 из Славуты. Вагон — 545.054. Пломбы ваши. Ячменя больше на 6 килограммов. Манной — на 10, гороха меньше на 14 ки-лограммов. Тара исправная. Раз'ясните».

«41 из Шепетовки. Вагон 337.434. Прислано мыла на 72 ки-лограмма меньше, чем по акту. Чем дело».

Вот мерзавец! Опять Гребелюк подводит! И как он там обеды наладить не может?

Телефонный звонок прервал рассуждения казатинского рациона-лизатора.

— Что, что? Гребелюк запил? Вытрезвить! Немедленно вытрезвить! А то маршрут сорвем. Я ему покажу пить!

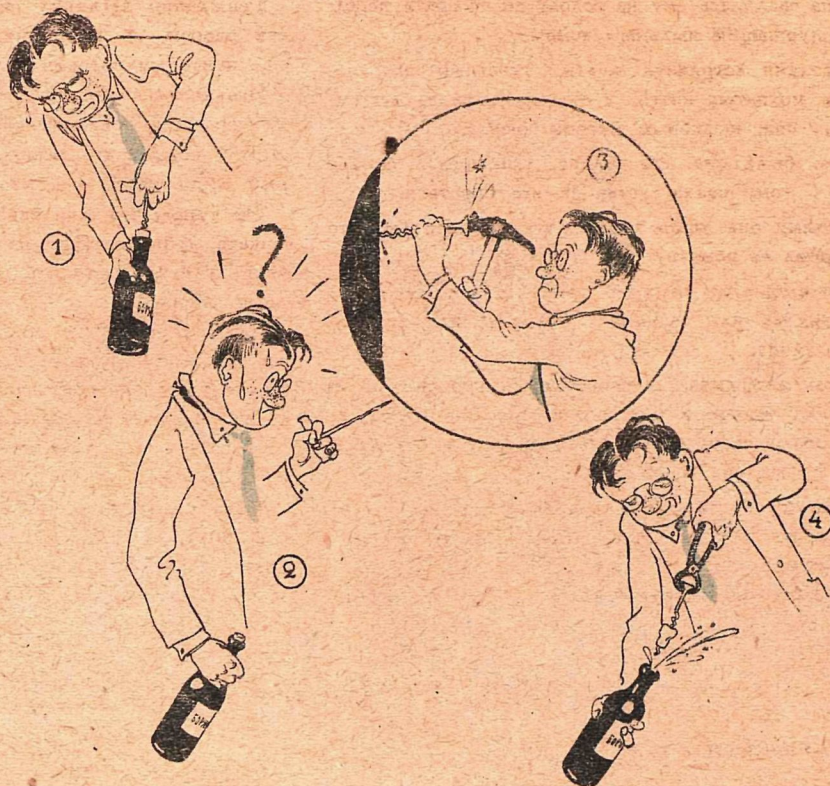
Откинувшись на кресло, разъяренный Божовский написал приказ:

«За срыв производственной программы, за непонимание важности хлебных перевозок бывшему грузчику Гребелюку, ныне выполняющему должность стокилограммной гири на весах № 4, объявляю строгий выговор с предупреждением».

С. БОГОРАД

РОКОВОЕ КАЧЕСТВО

Рис. М. Храпковского

Гвоздь, легко превращающийся в штопор, и штопор, с такой же легкостью превращающийся в гвоздь.

ПОСЛЕ БАЛА

Позаседав дней десять, с'езд благополучно раз'ехался. Труды его бы-ли отпечатаны, пронумерованы и про-шнурованы. Курьерша отнесла их в архив.

Но с'езд не забыт. О нем, о с'езде директоров учебных заведений Нар-комзема, с благодарностью вспоминают студенты Московского института ме-ханизации сельского хозяйства. О, это были незабываемые дни! Скромное здание института утопало в гирлян-дах ельника и цветов. Пальмы, ков-ры, музыка, танцы. Белоснежное белье на студенческих кроватях. Чисто, уют-но и светло в общежитиях. И было даже вволю воды.

А потом, в одно прекрасное солнеч-ное утро, когда радостные студенты, резвясь и играя, бежали умиваться, водопровод по старой привычке пере-стал работать. Померк электрический свет. С кровати сдернули белоснеж-ные простынки. Понурые и подержан-ные пальмы погрузили на извозчика.

Растерянные студенты бросались искать директора тов. Бронина. Они знали, что в последние дни директор был ласков и приветлив. Вот он, ува-жаемый директор, гордо шествует им навстречу.

— Что? Меня останавливать в ко-ридоре? Кто я вам: директор или не директор? — грозно спросил он.

Студенты поняли, что с'езд закрыл-ся. Окончен бал, потухли свечи, нача-лись будни.

В институт приняли 500 новых сту-дентов, упустив из виду, что дострой-ка нового общежития сорвана. В ком-наты, где с трудом помещалось по-четыре кровати, втащили еще по шесть. В комнаты с десятью кроватями по-селили по 12 человек. Студентам была предложена сложная арифметическая задача: разместить 12 студентов на 10 кроватях.

Закавказские республики отобрали 18 лучших ударников-трактористов и послали учиться в институт механи-зации. Но ударники не рассчитали и приехали после закрытия с'езда.

Опоздали ударники. Три недели они толкались в институте, но ничего не добились. Провешись до копейки, уе-хали обратно.

Студент-якут два месяца ехал в да-лекую Москву. Юный мечтатель стре-мился в тот же институт механизации. Ехал он на собаках, на пароходе, по железной дороге. Но собаки, пес их дери, подвели якута. Они бежали слишком медленно. Якут опоздал к началу занятий, чем потряс до ос-нования незыблемые институтские правила. Его не приняли в институт, чтобы не сеять разложения в рядах.

Начались бодрые дни учебы. Ока-залось, что институт совсем не приго-товился к учебному году. Аудиторий, профессоров, учебников нехватает. Учебники роздали по одному на 20 человек. Профессора начали читать скороговоркой. Темпы, темпы и тем-пы! Аудитории берутся лобовой ата-кой. Одна группа занимается, а две другие — ждут очереди.

Но как ни спешили пожирать науку в институте механизации, все же от-ставали от программы. Хвосты по всем дисциплинам нарастали.

Тут неожиданно обнаружилось, что в институте есть общественные орга-низации. Они пришли в приемную директора и попросили доложить. Ди-ректор выслаив сказать, что «инсти-тут — это я, а не какие-либо обще-ственные организации». Посрамлен-ные общественники разошлись.

А как же хвосты? Хвостов теперь нет. Они подрублены одним взмахом отважного директорского пера. Меха-нику, термодинамику и кое-какие дру-гие дисциплины подсократили. Где было примерно 100 учебных часов, там осталось 60—80. Чем короче программа, тем скорее готов инже-нер! Студенты пробуют протестовать. Но директор неизменно задает им один и тот же вопрос:

— Кто я вам: директор или не директор?..

И. ДУБРОВСКИЙ

Рис. А. Радакова

— А есть ли у вас, фрейлен, рекомендация?
 — Есть: диплом об окончании берлинского университета.

СТРАДАЛИЦА

Мисс Маргарет Уигхэм надо пожалеть. Даже не будучи близкими друзьями этой страдальцы, мы во имя простого человеколюбия не можем пройти мимо ее ежедневных мук и горестей, о которых так образно рассказывает «Дэйли Экспресс».

Оказывается:

«Желая стать примером для английских девушек, прелестная мисс Маргарет Уигхэм решила в интересах экономии ходить к парикмахеру только два раза в месяц и не носить вечером чулок. С другой стороны, в целях оживления торговли, она только что купила себе четыре новых вечерних платья».

Представляет ли себе советский читатель целиком и полностью день такой светской мученицы.

Конечно не представляет. Помогите ему нашей робкой фантазией

— Мэри, — говорит утром своей горничной мисс Уигхэм, — с этого дня я моюсь только простым кухонным мылом. Каким стирают полотенца.

— Зачем, мисс? — почтительно осведомляется горничная. — Какое ужасное сравнение: вы и полотенце!

— Пусть девушки доброй старой Англии знают, что можно экономить на туалетном мыле. Помножьте количество девушек на мыло «Золотой ноготь», и вы увидите, какая это будет экономия.

— А фабриканты туалетного мыла, мисс? Подумайте об этих несчастных людях.

— Я уже подумала, Мэри. Кстати, купите два ящика туалетного мыла «Розовый котенок». Я не хочу разорять фабрикантов доброй старой Англии. Кроме этого, с завтрашнего дня я буду ходить на светские балы босиком.

— Это почти ужас, мисс. Вам будут наступать на пальцы близорукие пожилые джентльмены.

— Я снесу все. Помножьте количество балов на количество подметок, и вы увидите, какая это экономия.

— А обувные фабриканты, мисс?

— Я не покину их на произвол судьбы. Закажите мне дюжину балльных туфель. Кстати, не подавайте мне больше никогда шоколадных конфет.

— Экономия?

— Да.

— Купить четыре коробки?

— Восемь. Больше я не хожу к парикмахеру.

— Слушаю. Он будет жить у нас в комнате около кладовой.

— С этого дня я противница верховой езды. Надо экономить на лошадях. Перемножьте количество девушек на лошадей, и вы увидите..

— Слушаю. Завтра ваш уважаемый папа купит вам автомобиль.

— Перчатки больше не ношу. Экономия.

— Покупаю. Прикажете полдюжины розоватых и полдюжины белых.

— Целую дюжину? Какой ужас... Ну, хорошо. Покупайте. Чего только не возьмешь на свои слабые плечи, когда хочешь помочь доброй старой Англии...

С О В С Е М Н Е В Е С Е Л О

На чистой и широкой стойке буфета сверкали мощные батареи бутылок. Мелодичный звон стаканов радовал ухо. Огромные люстры отражались в изысканном паркете. Две кассирши неумоимо вертели ручки громохочущих автоматических касс. У обеих дверей буфета-ресторана Московского Октябрьского вокзала сидели седые осанистые швейцары в галунах. Они регулировали движение. Одна дверь была входная, и швейцар наблюдал, чтобы из нее не выходили. На другой было написано «Выход», и швейцар в вежливых выражениях порицал пассажиров, пытавшихся использовать ее для входа. В отдалении реяли белоснежные официанты.

— Садитесь за стол, гражданин, — сказал Караулов буфетчик, указав царственным жестом на столики. — Садитесь, и официант вам все подаст.

— Мне бы с собой, в вагон хотелось захватить, — взмолился Караулов, бросив на буфетчика предельно льстивый взгляд.

— На вынос не продаем-с. Обращайтесь, будьте добры, в поездной буфет.

— Я еду не «стрелой», а скорым. Там буфета нет...

— Увы, простите, пожалуйста, извините, pardon, но ничем помочь не можем. На вынос продавать не можем. Это беспорядок, — если на вынос.

Пить хотелось ужасно. Караулов выбрал столик посвободней и стал ждать. Прошло пять томительных минут. Потом еще пять. И еще пять. Официанты пронеслись мимо его стола, как мимолетные виденья. Они обслуживали посетителей по какой-то им одним понятной системе. И выходило по этой системе, что Караулову, скорее всего, напиться не придется.

Стрелка циферблата неумоимо двигалась вперед. Когда до отхода поезда осталось восемь минут, томимый жаждой и боязнью опоздать, Караулов еще раз бросился в буфет и, снова получив решительный отказ, опрометью бросился к поезду.

Поезд, громыхая, отходил уже от платформы. Проводник, помахав зеленым флажком, свернул его и пошел проверять билеты. А Караулов лег спать, уныло подперев голову кулаком. Постельных принадлежностей он, как вы сами догадываетесь, не достал.

Опытный читатель понимает, что на весь вагон имелось только десять комплектов постельных принадлежностей.

Ночью Караулов сквозь сон видел пугливые фигуры пассажиров, спешивших на остановках в стационные буфеты. Люди наспех утоляли жажду, давились прошлогодними бутербродами и находили вскакивали в отходящий уже поезд.

Возвращался Караулов в Москву не скорым, а «Красной стрелой». С момента отхода поезда и до самого прибытия в Москву райские звуки фокстротов, танго и маршей мешали Караулову спать. Как только замолкал патефон поездной радиостанции, по коридорам вагонов толпой двигались официанты. Они настойчиво предлагали пиво и чай, водку и нарзан, пирожные и бутерброды. Караулов выпил стакан чаю, съел бутерброд с сыром и, раздевшись, юркнул под одеяло. И под звуки танго, трактовавшего наиболеешую проблему о ночи в Монте-Карло, Караулов до самого утра думал горькую думу.

Что же тут смешного? — спросит читатель, прочитав эту обыкновенную историю. — Какой же это фельетон? Совсем даже не весело.

И правда, товарищи читатели, не смешно. Очень даже грустно. И непонятно. Ведь буфет для пассажиров, а не наоборот? Почему же тогда его устраивают только в «Красной стреле»? Почему нельзя продать пассажиру из вокзального ресторана бутылку сидра или пива на вынос? И почему в «Красной стреле» постельных принадлежностей хватает на всех, а в скором поезде нехватает? А в пассажирском и вовсе нет? Что это — дефицитный товар — тюфячки и наволочки? Или, может быть, дорогой товар? Но ведь стоимость всего комплекта окупится буквально в одну пятнадцатидневку.

И вообще, товарищи, откуда это берется столько пакостного пренебрежения к пассажиру? Мы так думаем, что это от остатков капиталистического свинства.

П. ВОРОБЕЕВ

П. ИВАНОВ

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАРЛАМЕНТАРИЯ

Как приятно, когда политическая физиономия и бытовые навыки будущего члена парламента укладываются в несколько сжатых строк четкой характеристики.

Вот, например, как лондонский «Дэйли телеграф» рекомендует своим читателям и избирателям некоего Перкинса:

„Роберт Перкинс, кандидат консерваторов от Строуда, отличается разнообразными талантами. Он играет в крикет от клуба

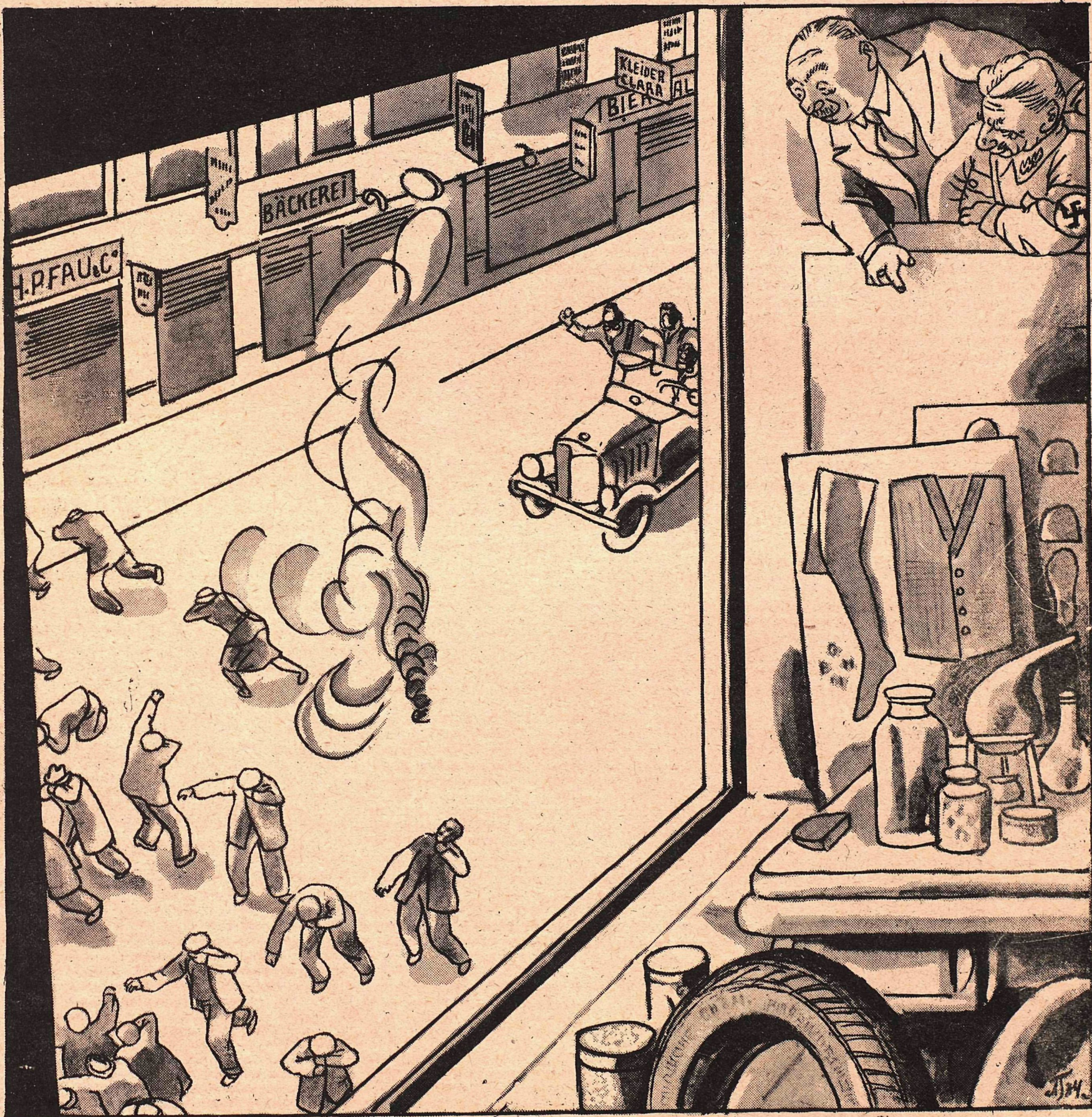
Итон Ремблера, член охотничьего клуба Нью-Форест и энтузиаст катания на моторной лодке“.

Остается теперь для характеристики следующего кандидата, чтобы «Дэйли телеграф» оповестил о нем так:

— Как политик мистер Ричард Бильбер отличается любовью к канарейкам, как отец и муж — большой энтузиаст вишневого торта, а как христианин и домовладелец — враг рабочего движения и рыболов-любитель.

ХИМИЧЕСКИЙ ВЫХОД

Рис. Л. Генча

— Мы уже наладили производство химическим путем шелка, резины, шерсти и т. д. Теперь мы производим во всей Германии опыты установления классового сотрудничества химическим способом.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

У нас в Севастополе появился в продаже зубной порошок под названием «Лісова мята», каковой при ближайшем рассмотрении оказался обыкновенными опилками. Поверив порошку на слово, я почистил им зубы и теперь уже третий день хожу с опилками во рту и пахну деревом. Не знаешь ли ты, дорогой Крокодил, какое-нибудь средство, как освободиться от опилок во рту, а также от нахальных фальсификаторов культурного ширпотреба?

В. ЕФИМОВ.

Севастополь.

Дорогой Крокодил!

В Питский дом отдыха (станция Красноярск, Уссурийский район) пришла гнутая мебель фабрики «Красный пролетарий» в Пензе.

Мебель была действительно гнутая, — тут ничего не скажешь. Но кроме этого, у нее оказалось еще одно качество, не совсем удобное для мебели. На ней нельзя было сидеть. Стулья выглядели очень эффектно и радовали глаз своим изящным видом, но когда на них садился отдыхающий, — они с жалобным треском разваливались. В короткое время из ста стульев пятьдесят перешли на чердак, где завхоз изредка вздыхал над их безвременной кончиной.

Будь другом, дорогой Крокодил, опубликуй это письмо. Может быть, оно внесет некоторое разнообразие в работу Пензенского завода гнутой мебели, какое внесли в наш отдых его расплывающиеся стулья.

АВЕРЬЯНОВ и другие.

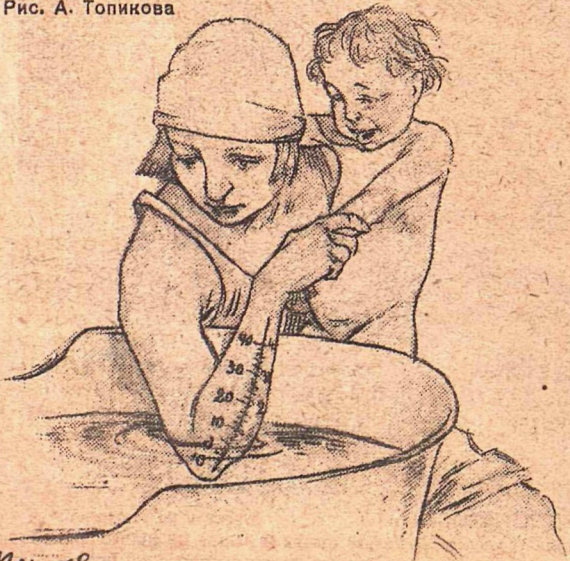
Красноярск.

Дорогой Крокодил!

Не подумай, что это жалоба избалованных людей, которые обязательно хотят пить чай в чашках из тонкого фарфора. Да еще с бледно-голубыми рисунками. Мы охотно примиримся и на честном стандартном стакане. Но нас, посетителей столовой фабрики-кухни Астраханского рыбного комбината, не балуют и этим. Нам подают чай в тарелках.

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

Рис. А. Топикова

Ты представляешь себе позы и выражения лиц посетителей, когда им гостеприимно ставят на стол тарелку с теплым чаем, даже с приложением к нему чайной ложечки. А если угощаешь кого-нибудь, даже как-то неудобно говорить:

— Скушайте еще тарелочку чая!

Будь добр, дорогой Крокодил, напони нашей столовой о существовании таких простейших приборов для чаепития, как стаканы. Иначе дело дойдет до того, что при заказе обеда придется говорить так:

— Рюмку яичницы, бокал шницеля и тарелку кофе!

ПОСЕТИТЕЛИ А. и Д.

Астрахань.

Дорогой Крокодил!

Если у нас в Баку ты встретишь школьника с винной четвертью подмышкой и пивной бутылкой в руке, — не подумай, что это несчастный спившийся мальчуган, который идет заканчивать за городом пьянку. У нас в Баку такие же хорошие советские ребята, как и в других городах, но если они хотят себе купить немного гуммиарабика, то им предлагают его только в четвертях, а чернила — в пивных бутылках.

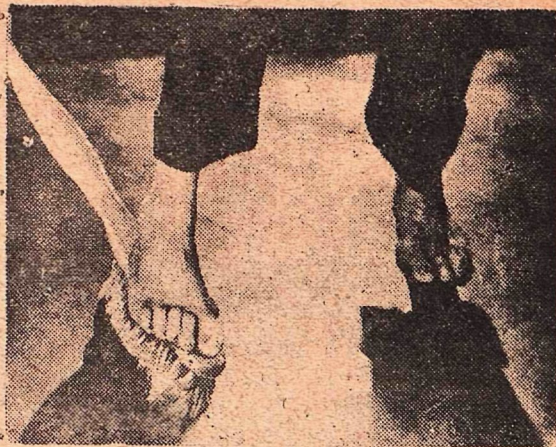
У торгующих организаций все оправдания сводятся к тому, что некая артель «Химия» (Химия) выпускает чернила только в пивных бутылках. Спрашивается, если какая-то другая организация будет выпускать гуммиарабик только в цистернах, что же делать несчастным школьникам, у которых нет под рукой специальных складов для хранения клея на дому?

М. КАРАГАС.

Баку.

ЛОВКОСТЬ НОГ

Фотомонтаж Б. Клинка

Наиболее подходящее применение зубных щеток, явно не пригодных для чистки зубов.

Дорогой Крокодил!

Наша газета «Рабочая Балахна» (Балахна, Горьковский край) недавно сообщила, что скончавшийся недавно в Риге — столице Латвии — народный артист Л. В. Собинин умер в столице Румынии — Праге. Будь любезен, дорогой Крокодил, сообщи: не случилось ли каких-либо экстренных изменений на карте Европы и действительно ли столица Чехо-Словакии сделалась столицей Румынии и называется Рига?

Кстати, если ты еще при этом пошлешь редакции «Рабочей Балахны» учебник по географии для первой ступени, — читатели этой газеты будут тебе очень признательны.

ПЕРШИНА.

Балахна.

ДОН-КАРП И ДОННА-ПАРАСЯ

Судя по почерку днепровского матроса Карпа Шевченко, он, наверное, не знаком со своим литературным предком — знаменитым соблазнителем Дон-Жуаном. А между тем родство у Дон-Карпа из села Малые Репки с Дон-Жуаном из Севильи — прямое.

Правда, Дон-Карп не носит плаща и шпаги, но зато у Дон-Жуана не было баяна на ремне и густо намазанного чуба.

Но, боже мой, как трудно в наши дни шагать по стопам севильского соблазнителя, как сложно, как накладно!

Чтобы не быть голословным, позвольте рассказать небольшую поучительную историю о последнем роковом приключении Дон-Карпа из Малых Репок.

Итак, баржа, на которой трудился наш герой, совершила какой-то обычный свой рейс из Киева в Днепрпетровск. Был знойный летний день. Дон-Карп лежал на палубе, глядел на огромное небо и мечтал о своих возлюбленных — прошлых, настоящих и будущих. Потом он сел писать письма девушкам, которых наметил себе в жертву. Их было пять — Парася, Гарпина, Аня, Маруся и Груня. Все они жили в одном селе.

Через час письма были написаны. Дон-Карп не любил обременять свою чубатую голову лишними мыслями и все пять писем написал совершенно одинаково.

«Дорогая Парася (Гарпина, Аня, Маруся, Груня)! Как вы поживаете? Я живу ничего чево и вам желаю. Скоро приеду, будем проводить с вами время я хочу на вас женитца пишите скорей жду ответа как соловей лета остаюсь ваш Карп Шевченко».

Письма были получены. Но из пяти девушек, с которыми одновременно мечтал «провести время» днепровский соловей, четыре работали вместе, в одной колхозной бригаде.

Утром в поле Парася сказала Гарпине:

— Я получила письмо от Корпухи. Пишет, что хочет на мне жениться.

Гарпина ответила:

— И я тоже получила. Тоже пишет, что хочет жениться.

Подождала Маруся.

— Получила письмо от Корпухи, — сказала она.

— Пишет, что хочет на тебе жениться и ждет ответа, как соловей лета? — спросили подруги.

— Откуда вы знаете? — удивилась Маруся и позвала Аню и Груню.

— Смотрите, девушки, — сказала Маруся, — какой наш Корпуха ловкий. Хочет жениться на всем колхозе сразу.

Вместо ответа Аня и Груня вытащили из карманов юбок письма Дон-Карпа.

Негодующие колхозницы собрались все вместе в тот же вечер, потолковали и написали письмо на имя райкомвода в Киев. Письмо было составлено в форме протокола:

«Слушали: письма Карпа Шевченко. Постановили: в любви Корпухе категорически отказать. Просить союз посадить Карпа Шевченко в сумасшедший дом, если он с ума сошел, а если нет, — призвать к порядку по союзной линии».

Бедный Дон-Карп! Он не учел, что колхозная Донна-Парася наших дней совсем не похожа на Донну-Анну — командорскую мадридскую вдову.

Представитель райкомвода приехал на баржу, на которой служил Карп Шевченко, собрал команду и, усмехаясь в усы, прочитал письмо незадачливого соблазнителя и ответный протокол девушек колхозных.

Очевидцы утверждают, что Дон-Карп, повторив прием своего предка, провалился (от стыда!) сквозь палубу барки, воскликнув:

— Как тяжело послание колхозной молодежи!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

АГИТКОНЬЯК

(Вопросы и ответы)

ВОПРОС. Что мы видим на этой картинке? **ОТВЕТ.** На этой картинке мы видим торговую точку. **В.** Что мы видим справа? **О.** Справа мы видим объявление о цене пива. **В.** Почему пиво? **О.** 0,5 литра стоит один рубль. **В.** Что мы видим внутри торговой точки? **О.** Внутри торговой точки мы видим завточкой и помзавточкой. **В.** Что они делают? **О.** Они, конечно, торгуют. **В.** Чем они торгуют? **О.** Разве не видите, они торгуют наливками. **В.** А еще чем? **О.** А еще они торгуют красным вином. **В.** А еще чем торгует торговая точка? **О.** А еще торговая точка торгует коньячком. **В.** А торгует ли это точка газетами и брошюрами? **О.** Нет, эта торговая точка газетами и брошюрами не торгует. **В.** Какую вывеску мы видим наверху? **О.** Наверху мы видим вывеску: «Палатка агитпункта IV района Сев. ж. д.». **В.** Какой вывод следует сделать из текста вывески? **О.** Из текста вывески следует сделать вывод, что за содержание работы палатки отвечает агитпункт IV района Сев. ж. д. **В.** Странная ли эта палатка агитпункта? **О.** Да, насколько нам известны задачи агитпунктов, палатка агитпункта, торгующая вином, производит странное впечатление. **В.** Надо ли на основании того, что мы видим на этой картинке, принимать какие-либо меры? **О.** О, да, обязательно. **В.** Каковы должны быть эти меры? **О.** Эти меры должны быть решительные и твердые.

РОГАТЫЕ СВИНЬИ

Некоторое нововведение в области животноводства вносит газета «Турксиб» (№ 222).

Упомянутый орган пишет:

194 рабочих семьи Луговского узла являются владельцами 494 голов рогатого скота (133 коровы,

30 годовалых телок, 130 телят, 40 коз, 35 козлят и 125 свиней).

Интересно было бы точно узнать, с какого времени свиньи стали рогатым скотом. С того ли времени, когда у «Турксиба» появился такой рассеянный редактор, или еще раньше?

ОТРЫВОК ИЗ ГОРБУНОВА

В ливадийском санатории № 10 во втором отделении висят правила для больных.

В параграфе 39-м этих правил значится буквально следующее:

Всякое обсуждение больными между собой недовольств, равно, как и собиранье подписей под коллективными жалобами... как нарушающие покой в учреждении, строго запрещены.

Завотделением В. Горбунов.

Когда-то мы знали горбуновские рассказы. Теперь мы познакомились с горбуновскими приказами. Что из них смешнее, — сказать трудно. Но, во всяком случае, рассказы были умнее.

ПРЕЙСКУРАНТ НЕДОМЫСЛИЯ

Мы сами противники расхлябанности. Строгость — так строгость во всех ее проявлениях. Но и мы только развели руками перед следующим актом железной неумолимости. В конторе Верхотурской МТС (Свердловской области) стоит графин с водой, около графина — чашка, а на стене висит объявление:

Посторонним здесь пить строго воспрещается.
За каждую чашку штраф 3 рубля.

Как это называется: вода по повышенной расценке, или глупость, еще недостаточно расцененная?

ПРИКАЗЫВАЮ ПРЕКРАТИТЬ

До революции существовали так называемые закрытые учебные заведения. Еще никто не пролил слез по поводу их своевременной смерти. Тем не менее находятся люди, которые в припадке острой бестолковости пытаются и сейчас создать из учебного заведения нечто вроде крепости, которую надо брать долгим измором, а проникать в нее только при помощи военной хитрости.

Вот — текстуально — приказ Прохладненского района (Каб.-Бал. авт. область):

ВСЕМ ДИРЕКТОРАМ И ЗАВ. ШКОЛАМИ
П Р И К А З

Копия

На основании распоряжения облОНО приказываю: категорически запретить посещение классов директорами, зав. школами, инструкторами и всеми представителями местных, районных партийных и советских организаций до 1 октября 1934 г.

Зав. райОНО: ТАРНОВОЙ.

Секретарь: НАЗАРЕНКО.

К сожалению, мы не имеем возможности привести здесь фотографию автора этого приказа. Быть может, вдумчивое выражение его глаз и проникновенный анфас пояснили бы читателям причину появления такого приказа.

КИЛОГРАММ С ИЗДЕВАТЕЛЬСТВОМ

Самостоятельного бюрократизма не бывает. Он всегда смешан то с унылой и серой тупостью, то с багровым нахальством. В качестве образца последнего помещаем любопытный циркуляр, разосланный 105 колхозам Смоленского района, Западносибирского края.

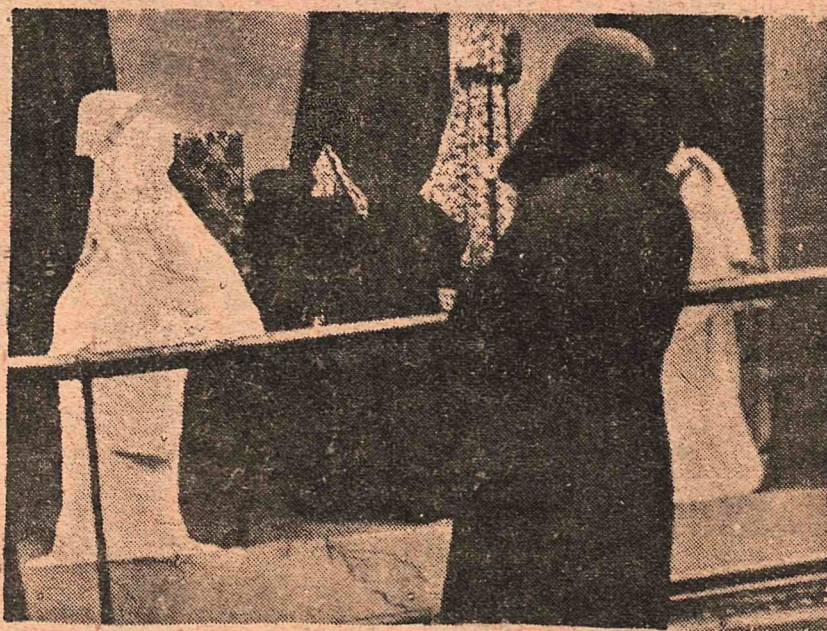
Автор его — смоленское отделение Заготльна.

А вот и сам циркуляр со всей его выразительностью и непреклонностью:

Всем колхозникам Смоленского района.
На склады смоленского райотделения Заготльна поступила рыба на авансирование заготовок волокна 1934—35 года.
Вашему колхозу причитается 1 (один) кг по цене 2 руб. на сумму 2 руб. Обеспечьте срочной ПОСЫЛКОЙ ОТВЕТСТВЕННОГО ЛИЦА с доверенностью на получение. Одновременно вышлите списки колхозов, среди которых будет распределена рыба. Без предоставления списков рыба отпущаться не будет.
Завотделением Кузьмин.

Мы не кровожадны и не требуем голов авторов такого циркуляра об ответственных лицах и списках колхозников для одного кило рыбы. Кому нужна такая голова?

И ВОТ ТРЕЩАТ УЖЕ МОРОЗЫ

Носы краснеют. Зябнут руки.
Лед на катке — сплошной восторг.
Костюмы белые и брюки
В витринах выставил Мосторг.
Заметивши явление это

И усмотревши в сем примету.
Москвич, наторевший весьма,
Сказал, потерши нервно руки:
— Нет, верно впрямь уже зима,
Коль забелели в окнах брюки.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ГИЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в м. Подписка принимается только почтой. Изд-во ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

Москва. Изд. № 1084

Сдача текста и рисунков 27/Х-34 г.

Подпись к печати — 13/ХІ-34 г.

Статформат А9—220×333.

Печатных листов 3.

Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В — 94839.

Филиал тип. газ. «Правда», изд-ва ЦК ВКП(б), Москва, Сушевский вал, 49.

Зак. № 760.

Тираж 300.000

Оформление Л. Кублановского. Журнал набран и отпечатан в филиале типографии газ. «Правда». Фотомашинок — П. Мягков. Репродукция под руководством Г. Жимеркина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Заведующий печати. отд. Дроженинских.

АППЕТИТ И ОБЖОРСТВО

Рис. Л. Бродаты

В Руане состоялся „Конкурс обжор“

БЕЗРАБОТНЫЙ: — Жаль, что меня не пригласили, — я бы с'ел не меньше.